Глава 12. Смахивая пыль

Они вернулись в Даосскую Обитель Чистого Холода.

Гу Циньляо отправился прямиком к месту обитания главы секты.

Цзи Яо и Линь Ань забрали Гу Санцина и вернулись на Гору Яоань.

Только тогда Гу Сань сообразил: «Гора Яоань — разве в её названии не заключены слова “далёкий” и “спокойный”?»

Цзи Яо улыбнулся:

— Верно, а ещё это место — обитель твоей старшей сестры Линь Ань. Нет, не только твоей старшей сестры Линь Ань, все ученики мастера живут здесь, на Горе Яоань. Вот только в последние десяток с лишним лет кто-то уходил в глухую изоляцию, а кто-то отправлялся на закалку, так что вокруг ни души.

Гу Сань кивнул.

Цзи Яо мягко произнёс:

— Слушай внимательно, Саньцин: в ближайшие годы старший брат тоже будет закрыт на затворничество, боюсь, тебя придется доверить заботам старшей сестры. Прародитель Гу тоже станет то и дело наведываться, чтобы наставлять тебя.

Гу Сань скосил глаза и встретился взглядом с ледяными очами Линь Ань.

Они переглянулись в молчании.

Цзи Яо улыбнулся:

— Не бойся, твоя старшая сестра очень добрая.

Гу Сань снова посмотрел на Линь Ань.

По-прежнему ни слова.

Цзи Яо продолжал:

— Когда меня не будет рядом, если захочешь чего-нибудь вкусного, говори старшей сестре. Рисовые хлебцы, сладости, сахарные шарики, цукаты — пусть старшая сестра сходит и купит на селении. Только не думай вечно о еде, больше занимайся культивацией. Не предавайся баловству, но и не переутомляйся. Твой талант на высоте, не изнуряй себя…

Он всё говорил и говорил, без конца повторяя одно и то же.

Линь Ань приподняла бровь:

— Какая болтовня.

Цзи Яо:

— …

Гу Сань:

— Старшая сестра, скажи лучше пару слов.

Прошло еще несколько дней, и после аудиенции у главы секты Цзи Яо удалился в затворничество.

Линь Ань выдала Гу Санцину несколько книг с техниками владения мечом.

Гу Сань стоял перед Залом Яоань.

Шли дни, но пейзажи оставались прежними.

Морозные родники, лесные цветы, далёкие горы и отвесные скалы.

Гу Сань внезапно вспомнил, как только попал сюда и сбивал лепестки цветов камешками, бросая их по одному.

Цзи Яо опустился с небес, подхватил его на руки и протянул кусочек рисового хлебца.

Словно забросил в него целый прекрасный сон.

Как же хорошо, как же всё-таки хорошо.

Какая невероятная удача выпала ему в этой жизни — оказаться здесь.

Гу Сань закрыл глаза и глубоко вздохнул.

Система:

— Хватит тут предаваться меланхолии, давай быстрее культивируй. Ты вообще-то мужчина, который должен достичь Стадии Золотого Ядра к двадцати годам!

Гу Сань:

— …

Как же сильно хочется прихлопнуть её.

Меч Юаньчжи принадлежал Цзи Яо — изящный до предела, тончайший, словно мартовский восточный ветер или моросящий весенний дождь, в то время как тяжелый меч Линь Ань разил широко и размашисто, источая в своём безмолвии непоколебимую мощь.

Верно, когда Гу Сань впервые узнал об этом, он даже растерялся ненадолго.

Меч Линь Ань так и назывался — тяжёлый меч.

Хотя он и впрямь представлял собой донельзя тяжёлое оружие.

Линь Ань изрекла:

— Меч есть меч, он сливается с моим существом воедино, к чему ему какое-то имя?

Старшая сестра, признайся же, тебе просто лень было придумывать название.

Гу Саньцин ещё не дорос до возраста, когда можно орудовать настоящим мечом, поэтому он подобрал обычную ветку и стал постигать мастерство владения мечом под руководством Линь Ань.

Гу Циньляо и Сун Цинхань тоже то и дело заглядывали к нему, чтобы отвесить пару наставлений.

Гу Сань давно привык к мягкости Цзи Яо, поэтому в его движениях мечом неизменно сквозило что-то от благородного мужа — нежность, изысканность и утончённость. А вот меч Линь Ань

нёс в себе прямизну, несгибаемость и властную дерзость, способную с улыбкой рассечь небесный свод.

Небеса и земля, горы и реки. Линь Ань сжала рукоять меча и, прикрыв глаза, произнесла:

— Когда меч в руке, что способно устоять перед его ударом?

Меч Гу Циньляо зачастую не подчинялся никаким канонам: он менялся быстрее ветра и туч, поражая противника неожиданно.

У меча главы секты был совершенно иной вкус.

— Путь меча кроется в мягкости.

— Путь меча кроется в твердости.

— Путь меча кроется в изменчивости.

— Путь меча кроется в сердце, — глава секты погладил бороду. — К чему стремится твоё сердце, к чему оно привязано — то и есть твой собственный путь.

Спросить меч значит вопросить своё сердце. Саньцин, где обитает твоё сердце?

Где обитает сердце.

Гу Сань лежал на земле, закрыв глаза.

Где обитает сердце.

Суматоха и бесконечные перепалки прошлой жизни.

Расплывчатый силуэт и голос Гу Да.

Опущенные глаза Гу Эра, чье лицо скрывали пряди волос.

Бесконечные пересуды и сплетни соседей.

Узкие, пронзительно-холодные переулки.

Бескрайний, грандиозный мир.

Колышущиеся и опадающие лепестки лесных цветов.

Белые облака и горные кручи.

Гу Циньляо, глава секты.

Мягкая улыбка Цзи Яо и ледяной взгляд Линь Ань.

Белоснежные нижние одежды Юнь Чанли и его иссиня-чёрные волосы в той мрачной горной пещере.

Лицо, покрытое инеем, холодные тонкие губы.

Шумный, суетливый рынок, звенящие и грохочущие гонги и барабаны.

Осипший от долгих рассказов сказитель.

Рисовые хлебцы, цукаты, сахарные шарики.

Пышущий жаром пар над свежими булочками.

Бульон, брызнувший в рот при первом же укусе.

Гу Сань открыл глаза.

Всё осталось прежним.

Он по-прежнему тот же: ни бессмертный, ни будда.

Ему не оборвать семь человеческих чувств и не отсечь шесть мирских желаний.

Всё, чего он так отчаянно жаждал в прошлом воплощении — это капля тепла и заботы.

Всё, о чём тоскует сердце — лишь пустяковые мелочи, всё, к чему оно привязано — сплошные воспоминания о прошлом.

Где же обитает сердце?

Сердце обитает в мире смертных.

Гу Сань крепче сжал зажатую в пальцах ветку.

Спросить меч — значит вопросить сердце: моё сердце пало в пыль мирской суеты, куда же лежит мой путь?

— И ладно, пусть так, — улыбнувшись, промолвил Гу Сань самому себе. — Я ещё мал, мне не постичь суету мирскую.

Быть может, в будущем он и сможет прозреть,

а может, так и увязнет в ней с головой, не в силах вырваться.

Кто знает?

Кто же это знает.

Спросишь, где же твоя душа? Смахнем вместе с ней земную пыль.

http://bllate.org/book/30708/3743239